Копирование, тиражирование
и распространение материалов, содержащихся в книге,
допускается только с письменного разрешения
правообладателей.

Дарья Урбанская
Валерия Шаталова

Путь в тысячу пиал

SUGAR BOOKS
Москва
2024

ПРОЛОГ

В шатре пахло ячменными лепешками и кислым пивом. Санму́ повела плечами, скидывая овечий тулуп и оголяя грудь. От жары на ее коже, бронзовой в свете жаровни, бисерился пот. Негромко хлопали, обжариваясь, зерна, что она просеивала над огнем. Приготовление ца́мпы всегда отнимало много времени, ведь сначала обжаренный ячмень нужно было размолоть, и уж только потом смешать получившуюся муку с чаем и маслом яка. Фигура Санму размеренно двигалась в такт языкам пламени, отбрасывая на черное полотнище шатра еще более черную тень.

— Свиная голова! Это Нанг Лха! — раздался детский возглас из-под вороха тонких шерстяных одеял в углу.

Санму бросила взгляд на стенку шатра и помахала рукой с растопыренными пальцами, делая свою тень еще причудливее.

— Хранитель домашнего очага заглянул к нам в гости, — с напускной серьезностью заявила она. — Нанг Лха машет своим трезубцем, призывая удачу в наши судьбы.

— Ох… — донеслось из угла.

Санму улыбнулась, и даже Чоэпэ́л, глава семьи, что сидел тут же, рядом с жаровней и вырезал что-то из кости, не сдержал усмешки. Шумно отхлебнув пива, он вновь принялся за дело, что-то еле слышно напевая себе под нос. Снаружи всхрапнул як, привлекая внимание людей. Арми́н был лучшим в стаде, самым мощным и норовистым. Пока ему не пробили носовую перегородку кольцом из можжевельника, даже опытные пастухи боялись подходить к зверю близко. Но и теперь от огромной горы мышц и черной шерсти так и веяло опасностью.

— Волков чует? — Чоэпэл поднял голову, прислушиваясь. Но на улице было тихо.

Он снова смочил горло пивом и вернулся к прерванному занятию.

— Что это будет, па? — снова послышался сонный детский голос из вороха одеял. — Заколка с лотосом, как ты мне обещал?

— Кое-что поважнее, — хмыкнул отец. — Амулет, отгоняющий злых демонов и ракша́сов.

— А вот седая Лу из дальнего шатра вечно бормочет, что от ракшасов не спасет ничего, потому что духи земель нас оставили и…

— Не слушай эту сумасшедшую старуху. Она давно умом тронулась. То ли от испуга, то ли от горя — после того, как ее младшего сына пометили проклятьем. А может и от всего вместе.

— Ну хватит уже! Нечего поминать демонов на пороге ночи, — недовольно оборвала его Санму, а затем добавила тише: — Спи уже, детка. Завтра встанем пораньше, чтобы насобирать дикого лука на обед. Он хорош с жареным мясом.

Армин снова захрипел и забился на привязи. Было слышно, как он взрывает землю копытами, и мелкие камни отлетают на стенку шатра. Чоэпэл поднялся.

— Не дело. Проверю.

От резкого движения его длинная черная коса хлестнула по плечу. Взяв топор, он откинул дверное полотно и, хмурясь, вышел. Осторожные шаги раздались прямо у стенки шатра.

— Ну-ну, Армин, чего ты… — Чоэпэл успокаивающе прицокнул языком. — Что тут у те…

Громкий крик разорвал тишину над становищем:

— Ракша́…

Чоэпэл не закончил, и звук его голоса сменился горловым бульканьем.

Санму в панике вскочила на ноги, но не успела ничего сделать. Полотнище, закрывающее вход, сорвало, словно порывом ветра, бушующего над горными перевалами зимой. На пороге возникло чудовище, что стало проклятьем их народа в последние десятилетия.

Ракшас. Порождение демонской бездны, что разверзлась в жерле священной горы Ундзэ́н не иначе как за людские прегрешения.

Ростом со среднего мужчину, ракшас был с ног до головы покрыт темной шерстью, свалявшейся настолько, что цвет не различить. Голой оставалась только загрубевшая желтая кожа на ладонях. Узловатые пальцы, так похожие на человеческие, хищно изгибались, оканчиваясь длинными когтями.

Санму вскрикнула от ужаса, но тотчас собралась, готовая до последнего вздоха защищать свое дитя. А ракшас словно сразу же учуял, что в шатре при-

таился ребенок. Они всегда выслеживали младенцев с такой неистовой устремленностью, будто то было их любимое лакомство. Могли издалека учуять даже плод в утробе матери. Вот и теперь вывернутые наружу ноздри демона затрепетали, он повел косматой головой и безошибочно уставился в тот угол, где возвышался ворох одеял.

Второй раз вскрикнула Санму, на этот раз яростно и воинственно, отвлекая внимание существа на себя, но ракшас не повернулся на звук, продолжая всматриваться в одеяла, вслушиваясь в испуганное биение маленького сердечка. Воспользовавшись заминкой, Санму с силой ударила ногой по жаровне, опрокидывая ее на чудовище. Угли веером разлетелись по шатру, хлестнули ракшаса и опали у его нечеловеческих ног. К смраду чудовища добавился запах паленой шерсти.

Санму схватила нож, которым обычно рубила мясо, и бросилась на ракшаса, но он лишь лениво взмахнул одной из длинных волосатых рук, словно отгоняя назойливую мошкару. Санму отлетела к стене шатра и неудачно приземлилась, вывернув колено. Раздался хруст кости, и она взвыла от боли и беспомощности.

Больше внутри никого не было. Никого, кто мог бы встать между демоном и его вожделенной целью. Ракшас засеменил вперед небольшими шажками, словно боялся, что ребенок сбежит. Казалось, он даже стал издавать какой-то низкий горловой звук, вроде успокаивающего мурлыканья, чтобы не спугнуть свою жертву. Или то было сладостное предвкушение пиршества?

Внезапно у входа в шатер послышались шаркающие шаги, а затем Санму, задыхаясь, с надрывом просипела:

— Чоэпэл… спаси… там…

Мужская фигура с безумным остекленевшим взглядом, выросла из-за спины ракшаса. Из чудовищной раны на горле толчками выходила кровь, окрашивая светлый тулуп в алый. В руках Чоэпэл держал топор. Высоко воздев его над головой, он захрипел и завалился вперед, обрушивая оружие на спину демона, налегая всем весом своего умирающего тела, чтобы покончить с порождением бездны.

ГЛАВА
Джэу

Без малого семьдесят лет назад священная гора Ундзэ́н изверглась огнем и ядовитым пеплом, а из глубин ее вместе с лавой хлынули орды свирепых демонов — ракша́сов. Испуганные люди побросали жилища, скот, привычную жизнь и тех несчастных, кто бежать был не в силах. Казалось, сама смерть распростерла над ними крылья. Тхиба́т стонал, утопая в страданиях и ужасе. А хранители этих земель, благие тэ́нгри, что должны были защитить своих детей, смолчали, не ответили на мольбы, не помогли. Лишь сыны дракона, монахи гомпа И́кхо, встали на пути ракшасов, подняли мечи и боевые жезлы против порождений огненной бездны.

«Записки чужеземца»,
Вэй Юа́нь,
ученый и посол Ла́о
при дворе правителя Тхибата

— Тхиба́т не терпит слабых, — бормотала Джэу, ожесточенно натирая песком бок котла столь огромного, что его кромка доходила ей до груди. — Тхибат не терпит слабых. Тхи...

— Повторяй себе это почаще, — раздался ехидный голос изнутри посудины. — И, возможно, однажды поверишь.

Джэ́у наклонилась, подобрала с земли камень и с силой ударила им по котлу. Глухой металлический гул заполнил небольшой внутренний двор го́мпа, отражаясь от монастырских стен.

— Эй, у меня же уши отвалятся! — возмутился Лобса́нг, высовывая голову.

— А лучше бы язык!

С самого рассвета Джэу вместе с прочими работниками и послушниками трудилась на кухне. Сначала они рассыпа́ли ячмень на дымящиеся от жара каменные плиты и разравнивали, обливаясь по́том. Затем дробили уже готовое зерно из предыдущей партии. Каменная чаша, в которой это делалось, весила примерно с саму гору Ундзэн. Чтобы вращать размещенный внутри чаши жернов, на деревянные ручки, отходившие во все стороны, словно спицы колеса, наваливалось одновременно по пять человек. Конечно, после того, как удавалось сдвинуть жернов с места, шагать становилось уже не столь тяжело, и послушники даже распевали хором мантры. Но до того всем приходилось изрядно попотеть.

Джэу сделала шаг назад, придирчиво рассматривая результат своих усилий, и кивнув, передвинулась правее. Колокол уже дважды созывал монахов к молитве, а у нее до сих пор не получилось полностью обойти огромный котел по кругу.

— От моей каша́и, — она брезгливо одернула одежду, заново утягивая ткань поясом на талии, — несет как от ракшаса, искупавшегося в моче яка.

— Всего лишь? — тут же откликнулся Лобсанг. Его насмешливый голос звучал приглушенно через металлическую стенку. — Кажется, кто-то старался недостаточно усердно.

— Да ты вообще только пришел! — возмутилась она. — Прохлаждался во время медитации, пока я тут работала, не разгибая спины!

— Думаешь, это так просто — сидеть, не шелохнувшись, и наблюдать, пока солнечный луч не переползет положенную отметину! А на кухне и вовсе никто не делает различий между послушниками и работниками. Гоняют одинаково! Твоя кашая всего лишь воняет, а у меня в подоле появилась очередная дыра. Кажется, прожег, пока подбрасывал топливо. — Он замолчал, возмущенно пыхтя. — Меня до сих пор мутит от этого запаха горящих ячьих «лепешек». Я не понимаю, зачем вообще кипятить столько чая?

Джэу фыркнула:

— А основу для цампы ты чем будешь разводить? Собственной слюной?

Впрочем, возражала она больше из чувства противоречия, а на самом деле была согласна с приятелем, хоть и находилась с ним по разные стороны не только котла, но монастырской жизни в целом. Хоть Лобсангу, как и прочим послушникам, и вменялось в обязанность участвовать в хозяйстве наравне с наемными работниками, такими как Джэу, но судьбы их ожидали разные. В начале пути они вместе выполняли всю грязную работу, чтобы никого не постиг грех

гордыни. Но послушники также посещали учебные занятия и при должном усердии могли однажды стать монахами.

А Лобсанг, ко всему прочему, был не просто послушником. Ему не так давно исполнилось шестнадцать, а его уже взял в ученики кушо́г[1] Цэ́ти Нгян — старший астролог монастыря И́кхо. Это являлось великой честью и в то же время служило поводом для завистливых взглядов других, менее удачливых послушников. В отличии от юного Лобсанга, смотрящего на мир наивными глазами, Джэу частенько подмечала такие взгляды в его сторону.

«Конечно! Его-то не заставляют до изнурения отрабатывать всевозможные способы сражения с ракшасами, как монахов-воинов».

То, что Лобсанг не чурался разговоров с ней, также не добавляло ему уважения среди прочих послушников. Хотя общение между обитателями монастыря-гомпа не было запрещено, Джэу сторонились. Ее саму, впрочем, это более чем устраивало. Она нанялась сюда прислуживать не для того, чтобы завести друзей. Так что много лет усердно создавала себе образ куфии — змеи в человеческом обличии, плюющей ядом даже в ответ на доброе отношение. Лишь Лобсанг смог каким-то образом проникнуть под защитную чешую ее сердца и прочно там обосноваться.

Когда котел, наконец, был начищен до блеска и Лобсанг убежал отчитываться, Джэу со стоном растянулась прямо на земле, в спасительной тени стены.

---

[1] *Уважительное обращение к вышестоящему лицу, «господин».*

Хотелось хоть немного отдохнуть перед тем, как ей выдадут очередное поручение.

«Вот переведу дух и пойду умою лицо, чтобы надеть маску...»

Перед работой на кухне маску приходилось снимать, как бы не противилось этому все ее существо. Ничего не поделать: от жары и пота тонко выделанная кожа яка дубела. Так что Джэу была вынуждена терпеть липкие любопытные взгляды, то и дело ощупывающие левую половину лица — там, где ее уродовал давний шрам, стягивающий кожу, как на верхушке пельменя-момо.

«Неприятно, зато даром: не придется тратиться на новую маску. А деньги мне нужны для другого, не зря же я столько лет терпела суровую дисциплину И́кхо и ненавистных монахов».

Словно воплощение мыслей Джэу, во внутренний двор вошла группа монахов-воинов. Поджарые, голые по пояс, обритые парни в одинаковых запыленных штанах бурого цвета только что выдержали очередную жесткую тренировку и направлялись в зал медитаций. Жаркие лучи солнца золотили кожу на их разгоряченных широких спинах, ярче подчеркивая извивающегося черного дракона — знак принадлежности к ордену. Рисунок этот наносился монахам на кожу не сразу. Приходилось работать над собой до изнурения, оттачивать боевое мастерство, переходить с одной ступени обучения на другую — только после этого нанесенные в ранней юности контуры татуировки постепенно дополнялись и обретали форму и цвет, подстраиваясь под телосложение.

Монастырь Икхо, что означало «Путь дракона», был самым влиятельным го́мпа во всем Тхибате. По-

жертвования от благодарных жителей лились рекой, и крыши его сверкали золотом. Настоятель Икхо по имени Бермиа́г-ту́лку пользовался всеобщей любовью и почетом. Уже второе телесное воплощение подряд он стоял во главе монастыря, посвящая свое служение укреплению духа и тела сынов дракона. Именно он ввел суровые порядки, вынуждая послушников до изнеможения оттачивать смертоносное боевое искусство. Нападения ракшасов по-прежнему случались, но хорошо натренированные монахи-воины научились справляться с этой напастью.

Другие девушки, что прислуживали в го́мпа, млели от одного взгляда на фигуры воинов, но только не Джэу.

Она стиснула зубы, но все же поспешно вскочила на ноги и согнулась в поклоне, так, чтобы вошедшим была видна лишь ее макушка, а не лицо.

«Хоть бы обошлось...»

Увы, ее хитрость не сработала.

— Кто это у нас здесь?

Ссориться с воинами было неразумно, хоть от одного их вида злость внутри Джэу клокотала, как лава в горе Ундзэн. Так что она выпрямилась и спокойно прижала руки к груди.

— И тебе светлого утра, кушо́г Намга́н, — не поднимая взгляда, произнесла она, но не отказала себе в удовольствии добавить мысленно: *«Чтоб ты сдох, грязный чурбак».*

— Оно перестало быть светлым, как только я увидел твою жуткую физиономию, сморщенную, как подмышка обезьяны.

Раздались негромкие смешки, и, бросив быстрый взгляд перед собой, Джэу увидела, что несколько